

ЗА РУБЕЖОМ

ИСКУС
КУЛЬ

НА БУЛЬВАРЕ СЕН-МИШЕЛЬ

Париж. Театр Одеон. В зале тихо, но тишина обманчива. Волнами налетают густые и ликующие звуки музыки Жоржа Орика, и танцующая под фонограмму Федра в широкой юбке с узкой талией склоняется в последний раз перед Тезеем в муке раскаяния. Зал неистовствует. Парижане восхищены красотой рук и линий. Триумф полный. На сцену выходит Лифарь, подтянутый, моложавый, несмотря на свои 80 лет.

«Федра», впервые поставленная 14 июня 1950 года Жаном Кокто, ныне восстановлена Сержем Лифарем специально для Плисецкой. В костюмах и декорациях Кокто шесть дней подряд Плисецкая танцевала Федру с балетной труппой из Нанси.

Сегодняшние французы тоскуют по прошлому, испытывают неутолимую жажду музыки. «Мы имеем дело с новой эпохой, — рассказывает Франсуа-Мари Бонье, писатель, драматург, фоторепортер, «один из законодателей мод и вкусов», — у нас ее, эту эпоху, называют неоромантикой».

В среде парижской интеллигенции на авансцену вышла тема «отстранения», свидетельствующая о неприятии многими деятелями культуры современных норм морали и политики. Но это отрицание происходит не в рамках «нетрадиционного бунта» 60-х годов, не в стиле «неолиберальных» установок 70-х, а на фоне попыток возродить традиции старой культуры с ее смыслом, вкусом и интуицией. Балет «Федра», «балеты-симфонии» удивительно точно улавливают эту атмосферу «момента». Уходит время, когда бездумность и отсутствие всякой программы воспринимались как некая твердая, четкая программность. Балет вышел за рамки своих привычных возможностей, его жесткие границы раздвигаются. Этот процесс начался не сегодня, но в 80-е годы он приобрел широкий размах. Хореография переносит на сцену и классику, которую, казалось бы, невозможно перенести в балет («Три сестры» по мотивам чеховской драмы, «Дама с камелиями», «Трамвай «Желание» по пьесе Уильямса), и танец, поставленный на симфоническую музыку.

Сегодня балет в Париже на высоте, он демонстрирует глубину, страстность и богатство своих возможностей. Долгое время балетная труппа Гранд Опера испытывала трудности. «Вечер одноактных балетов», танцуемых ныне, свидетельствует о неслучайном взрыве интереса к парижскому балету. Если «Вашингтонский сквер» на музыку Ч. Ивса, «отполированный» до абсолютного хореографического блеска, как бы лишен души, блистая искусственной красотой, если «Песнь земли» на музыку Малера (хореография Кеннета Макмиллана) несет потребность времени найти ритмы и построения, символизирующие изысканность и упорядоченность, то «Движение. Ритм. Эпюд», поставленный М. Бежаром на музыку Пьера Гюна с Сильви Гиллем и Эриком Вю-Эн, очаровывает красотой и наполненностью, редким искусством построения сложнейших мизансцен. Дарование Сильви Гиллем

завораживает зрителя сказочно легким танцем, тончайшим, чисто хореографическим мастерством и одухотворенной виртуозностью. Три программы «балетных номеров», поставленных в порядке эксперимента танцовщиками Гранд Опера для солистов своего балета, были показаны в конце сезона для любителей балета. Аншлаг был абсолютный.

В отличие от балета драматического театр разочаровал. Вроде все привлекательно: Эдвиж Фейер играет «Леонадию» Ануя, Мирей Дарк — «Вторую главу» американского драматурга Нила Саймона, Даниэль Дарье и Сюзанна Флон — «Жижи» Колетт, маленький театрик № 13 объявил премьеру пьесы Гарольда Пинтера «Коллекция», много играют Гюго — «Рюи Блаз», «Лукреция Борджа», Теннесси Уильямса — «Царствие земное», «Сладкоголосую птицу юности», комедии Лабинша, Фейдо. Но «событий» нет, и в залах народу маловато. В Париже открыто более восьмидесяти театров и театриков, а на мой вопрос «что смотреть?», парижане задумывались и после паузы отвечали: «Пожалуй, Питера Брука и «Чехов и Чехова»».

Питер Брук, возглавивший в Париже Международный центр театральных исследований, поставил в театре «Буф дю Нор» спектакль «Махабхарата» по мотивам индийского эпоса. Спектакль идет три вечера подряд, вызывая, как и все спектакли этого крупного режиссера, огромный интерес. Имя Брука окружено легендой, и о его «Вишневом саде» или спектакле «Чин-Чин» по пьесе Ф. Бийеду рассказывают как о значительных событиях театральной жизни. Место спектакля «Чехов и Чехова» скромнее, но свидетельствует о силе воздействия психологического театра. В зале театра Монпарнас Франсин Берже и Мишель Дюшессон играют пьесу, написанную и поставленную сорокалетним режиссером Франсуа Ноши по письмам Чехова и Книппер. То, что французы восхищены Чеховым, известно давно. Сегодня поднялась вверх волна интереса к имени Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. О ней публикуются монографии, пишутся статьи. Поставив спектакль о Чехове и Книппер, Франсуа Ноши, как говорится, лег спать простым смертным, а проснулся знаменитым. И дело не только в том, что у него безупречное чутье и требовательный театральный вкус. Он уловил веяние «момента». Театр Монпарнас расположен на узенькой улочке ля-Гайет, на нее несколько свысока смотрит выстроенная рядом многоэтажная башня, откровенный знак американизма в старом районе Парижа. Театр найти не легко, рекламы почти нет, одна афиша. Спектакль идет четыре месяца подряд, и четыре месяца каждый день зал слушает рассказ о жизни двух замечательных русских людей.

Сцена разделена надвое. Слева — гримировальный столик, на нем подсвечник и фотография Чехова. На стене — четыре пальто. Их в разное время надевает Франсин Берже — Книппер. Справа — маленький письменный стол, полка книг. На

полке — бинокль, часы, в глубине висит плед, прикрывающий телефон. Много картин, одна фотография — Ольги Леонардовны. Посередине — двухспальная тахта, одна ее половина темная с темной подушкой, другая — светлая. По радио иногда раздаются голоса тех, кого на сцене нет, — Марии Павловны Чеховой, Александра Леонидовича Вишневого, знаменитого актера Художественного театра, или слышны аплодисменты, или Книппер зовут на сцену. Иногда доносятся шум ветра и шелест воды. Спектакль идет без антракта. Первая часть — знакомство и жизнь до женитьбы, вторая — история написания «Вишневого сада» и смерть в Баденвейлере. В финале — Чехов, полулежащий в кресле, его последние слова. Книппер, накрывающая его пледом. Постепенно правая часть сцены погружается в темноту. За окном рубят вишневый сад, и не совсем понятно, то ли сад рубят, то ли забивают крышку гроба. А потом на авансцену выходит Франсин Берже — Книппер и, глядя в зал, произносит слова финальной сцены «Трех сестер», используя текст ролей и Марии, и Ольги: «Он ушел совсем, совсем, навсегда. Надо жить. Жизнь наша еще не кончена. Будем жить».

Влюбленность в Россию, в Чехова, в Книппер помогла создателям спектакля смоделировать удивительную атмосферу, приблизившую к зрителям и героев драмы, и время, ушедшее навсегда. На следующий день мы встретились с режиссером и его друзьями. Он живет в пригороде Парижа, в доме с небольшим садом. Было воскресенье. Мы бродили вокруг дома, возвращались в сад, и все говорили о театре, о Чехове, о Книппер-Чеховой. «Мальчиком я видел русские пьесы в исполнении русских актеров», — рассказывал Франсуа Ноши, — теперь русского театра в Париже нет». Действительно, с начала 20-х годов оказавшиеся в эмиграции русские актеры пытались создать во Франции русский театр. В Париже работали Германова, Барановская, Вырубов, Хмара, Крыжановская. Еще в 40-х годах Рощина-Исарова играла в театре Шатле на русском языке пьесу Вл. И. Немировича-Данченко «Цена жизни». На улице Ришелье даже сняли зальчик на сто мест и играли русские драмы, а в 50-х в зале «Иена» ставили «Чайку» Чехова и советские пьесы «Дорога цветов» В. Катаева и «Машенька» А. Афиногенова. Молодой Георгий Племянников, ставший впоследствии известным французским кинорежиссером Роже Вадимом, водил молоденького Франсуа Ноши в русский театр, и с тех пор он запомнил силу искусства психологического театра.

Франсуа Ноши видел в Париже и МХАТ, и Театр имени Евг. Вахтангова, и Театр имени Ленинского комсомола, и давно усвоил истину, что русскому, советскому театру открыты вершины искусства. «Не удивляйтесь, при всем разнообразии и размахе парижской сцены она чем-то напоминает деревенскую лавку», — говорит он. — Продюсеры ищут «верняка», боятся риска и при слове «экспери-

мент» их охватывает паника». Талантливым людям театра приходится сегодня вести сражение за зал, за зрителя, за право на постановку. Мир коммерции штурмует парижскую сцену. Классика, сексуальные и детективные истории, комедии и драмы — все перемешано, все стало предметом потребления. Французскому зрителю предлагается особая «среда обитания» — пребывание в мире «престижных» ценностей, увы, присвоение, а не усвоение этих ценностей. Театральная культура, оказавшись принадлежностью «среднего человека», низведена до уровня культуры «среднего уровня». И может быть, потому молодые «неоромантики» с бульвара Сен-Мишель себя чувствуют гораздо уютнее не в залах театров, а за столиками кафе.

Эти странно, небрежно одетые молодые люди часами сидят в кафе в Латинском квартале, в районе площади Трокадеро. Старые деревья косо склонились над столиками кафе, и вокруг шумит великий город — город безработных и миллионеров, талантливых художников и бездарных бульвардье. Зеленоватая, мутно-илистая Сена, парки, площадь Согласия, воздушное кружево состарившейся Эйфелевой башни, кварталы Больших бульваров, ночной Париж, кричащий голосами уличных торговцев, зазывал у ночных баров, шумливой толпы. Повсюду — туристы. Африканцы предлагают браслеты, арабы продают орешки, в туннелях метро уличные певцы с разбойничьими лицами поют нежные песенки о любви. Чего только нет в этом городе: книжные лавки букинистов, где продают удивительные открытки с изображением знаменитостей 20-х годов, бесчисленные картинные галереи, маленькие крытые базары, белые пароходки, плывущие по Сене, полудремлющие рыбаки, закинувшие удочки в мутную реку, и повсюду на первый взгляд беспечная, веселая толпа, живущая на самом деле напряженной и нелегкой жизнью. В этом шуме уличной жизни, чужого языка, чужих жестов, в движении чужой стихии особенно остро ощущаешь и то, что ты, приехавший из другого мира, чужд этой толпе, и то, что надежды «новых романтиков» вернуться к временам Руссо утопичны. Никуда не деться от «проблематики дня», от тех забот, которые со всех сторон обступают парижанина, кто бы он ни был. «Оппортунистические романтики», заполонившие Париж, на самом деле оказываются вовсе не романтичными. Да, они часами сидят в кафе, болтают, живут беззаботной жизнью, но все неизменно преследуют одну цель — в сегодняшнем Париже почти недостижимую — заработать франки. И, может быть, потому парижские театры, играющие «Любовь вчетвером», «Жижи» или «Расслабьтесь», и не привлекают зрителей, избегаящих лишнего трагизма и сохраняющих средства на жизнь в этом пленительном, трезвом, неповторимом городе.

Виталий ВУЛЬФ.

ПАРИЖ — МОСКВА.